

УДК 338.2 + 378.1

В.В. Матвеев

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Рассматриваются процесс формирования в России современной системы высшего образования и её стратегическая роль в обеспечении экономического роста. Как известно, для обеспечения количественных и качественных параметров экономического роста необходима эффективная система высшего образования. Это позволит осуществлять подготовку специалистов, которые в процессе обучения не только получают необходимый объём современных знаний. Выпускники вузов должны уметь использовать эти знания для сбора информации, её оценки и принятия обоснованного решения. Однако для этого в стране должна быть создана современная система высшего образования. Стратегическим фактором создания и развития этой системы являются преподаватели, которые должны получать за свой труд достаточное вознаграждение. Именно размер заработной платы преподавателя является залогом решения проблемы, когда преподаватель реально заинтересован в конечных результатах своей профессиональной деятельности. Данное положение находит своё подтверждение в истории России. В течение XIX в. в нашей стране была сформирована современная и эффективная для того периода времени система высшего образования. Преподаватели вузов обладали высоким социальным статусом. Ситуация начинает принципиально меняться после 1917 г., что привело к постепенному снижению социальной значимости профессии преподавателя вуза и негативным образом повлияло на качественный уровень подготовки специалистов. В конечном итоге это привело к снижению показателя экономического роста. Для преодоления данной негативной тенденции необходимы принципиальные изменения в организации системы высшего образования и оплате труда преподавателей.

Ключевые слова: экономический рост, производство, наука, высшее образование, институциональные изменения, знания, академическая рента, преподаватель, заработная плата.

Экономический рост в любой стране является результатом сложного взаимодействия множества факторов. Начиная со второй половины XVIII в., имеет место прямая зависимость между количественными и качественными параметрами социально-экономического развития страны с её успехами и достижениями в решении проблемы использования технологических новшеств в производстве различных товаров и услуг.

Действительно, современный экономический рост – это результат интеграции науки и производства, начиная с генерации научной идеи и заканчивая созданием принципиально новых товаров. Очень часто это сопровождается созданием новых технологий. Однако это становится возможным только в том случае, если в данной стране происходят принципиальные изменения в подготовке научных, производственных и преподавательских кадров, что предполагает соответствующие новым требованиям изменения в системе образования. Действительно, новые технологии – это новая техника, эффективное использование которой невозможно без всё более и более образованного работника. Причём образование здесь трактуется не только как некая совокупность знаний. Речь следует вести об умении думать, то есть искать информацию, давать ей объективную оценку и способности делать обоснованные выводы. В современных условиях работник должен постоянно заниматься саморазвитием. Это является необходимым условием его конкурентных преимуществ на рынке рабочей силы.

Таким образом, современная эффективная система образования – это обязательное условие развития национальной экономики.

Д. Норт в своей теории институциональных изменений утверждает, что именно создание новых знаний ведёт к появлению новых технологий. В качестве завершающего этапа институциональных изменений выступают политические изменения, то есть можно и нужно вести речь о тесной взаимосвязи знаний и политического развития общества [1]. При этом Д. Норт особо подчёркивает определяющую роль руководителей, которые «заняты целенаправленной деятельностью и в этом качестве являются агентами институциональных изменений и формируют направления этих изменений» [1. С. 97].

Из этих слов следует однозначный вывод о том, что именно руководители **определяют** направления институциональных изменений. Это чрезвычайно важно, так как любое институциональное изменение в большинстве случаев имеет долгосрочные последствия. Действительно, существует множество альтернатив решения каких-либо проблем, причём эти альтернативы не являются взаимо-

исключающими. Таким образом, агенты осуществляют институциональный выбор, конечная цель которого может определяться не только стремлением к увеличению дохода. Вполне возможны иные цели, как экономические, так и идеологические.

Выбор целей зависит от институциональной структуры общества и желания акторов изменить эту структуру. Однако эти изменения не могут быть социально продуктивными в обязательном порядке, так как акторы как участники преобразований исходят из собственных мотивов, соглашаясь или не соглашаясь с возможными изменениями. С точки зрения теории – это вполне нормальная ситуация, поскольку любые организации и даже минимально организованные группы людей исходят из собственных интересов.

Но любая по численности организация или группа состоит из отдельных индивидов. Именно выбор отдельно взятого индивида и умение навязывать окружающим собственную точку зрения на ситуацию, а в дальнейшем принятие решение и совершение каких-то действий есть суть методологического индивидуализма. Действительно, коллективный выбор и действия всегда проявляются через выбор одного, в некоторых случаях – очень небольшого количества индивидов. Эти индивиды воспринимают коллектив, в котором они находятся, как вторичную систему по отношению к своим собственным интересам. Конечно, индивид не может полностью игнорировать интересы своей организации или коллектива, но он должен умело использовать эти интересы для достижения, в первую очередь, собственных интересов. Таким образом, формирование понимания коллективных решений и действий базируется на анализе решений и действий отдельных индивидов. Именно деятельность отдельных индивидов определяет жизнь не только организации или группы, но и общества в целом.

Д. Норт пишет по этому поводу: «Организации создаются для того, чтобы преследовать цели своих создателей» [1. С. 97].

Однако эти цели всегда ограничены не только существующими институтами, надо принимать во внимание существующие технологии, наличие иных ресурсов и предпочтений. Взаимодействие между этими ограничениями формирует потенциальные возможности по достижению экономических, политических и иных целей. Знания и навыки, которые приобретает организация в процессе движения к цели, играют, как отмечает Д. Норт, важную роль в том, как развивается и используется весь запас знаний [1. С. 98].

Знания подразделяются на явные и неявные.

Явные знания достаточно легко могут быть выражены в вербальной, печатной, табличной или иной формах. Явное знание – это информация, которая воспринимается и осознается примерно одинаково всеми субъектами.

Неявные знания приобретаются частично на практике, частично в процессе теоретического обучения. Неявные знания не могут в полном объеме передаваться от одного индивида к другому, то есть люди обладают очень различными способностями к приобретению неявных знаний. Невозможно научить человека быть успешным предпринимателем, даже если с ним проводит занятия успешный предприниматель, который начинал своё дело с нуля, например, Билл Гейтс, Стив Джобс или Марк Цукерберг.

Таким образом, знания и навыки, приобретаемые индивидами в процессе работы в организации, по своей сути представляют вознаграждения (стимулы, мотивацию) в сложившейся системе институциональных ограничений. Данное утверждение является очень важным для понимания сути и направления институциональных изменений. Д. Норт отмечает по этому поводу: «Спрос на знания и навыки создаёт спрос на увеличение объёма и изменение распределения знаний, отражающий текущее восприятие людьми выгод от приобретения различных видов знания» [1. С. 99].

Именно поэтому всегда существуют страны-лидеры и страны-аутсайдеры. В первых из них идёт реальная жёсткая конкуренция за создание и использование знаний. Здесь имеет место очень высокий спрос на инвестиции и инновации. Во-вторых – царствует архаика и приверженность к явно устаревшим институтам. Здесь правят традиционные ценности и негативно воспринимаются изменения, которые означают отказ от традиционных «скреп».

К сожалению, в современной России достаточно много политиков, юристов, экономистов, выступающих в качестве адептов традиционных институтов. Так, депутат Государственной Думы Пётр Толстой в сентябре 2016 г. в интервью радиостанции «Говорит Москва» заявляет, что «скрепы и есть залог благополучия, без них не будет ни национального достоинства, ни процветания экономического, ни самоуважения у людей. Поэтому сначала, безусловно, скрепы, а потом – благополучие» [2].

Ещё более жёстко об этой проблеме говорит экономист М.Л. Хазин: «Так вот сегодня мы опять стоим на пороге необходимости новой модернизации – катастрофической необходимости! А проблема состоит в том, что Путин ... не занимается чисткой. Для того чтобы заниматься чисткой, нужно перейти к опричному сценарию и “рубить головы”. А Путин не хочет рубить головы – вот ключевой момент всей этой ситуации... Нам нужна модернизация. Но для того, чтобы сделать модернизацию, нам сегодня нужно повторить опыт Ивана Грозного, Петра I, Сталина: нам нужна опричина. Ну, опричина – это технология. Вот если этого не сделать – то невозможно, потому что в болоте бюрократии любая попытка даже гениального администратора сделать какую-то личную программу – неизбежно увязнет» [3].

Однако, как показывает мировой опыт многих стран, приверженность к традиционным институтам – это путь в никуда. Страна, где сделан данный выбор, не имеет перспектив. Наиболее характерные примеры – это Китай и Япония.

В 1757 г. в Китае запрещается торговля с европейцами во всех портах, кроме Гуанчжоу. Эта дата считается началом осуществления политики самоизоляции Китая от Запада. Европейцам запрещалось посещать Китай. Правители Китая имели самое смутное представление об уровне развития не только европейских, но и более близких к Китаю государств. При этом усиленно насаждались традиционные ценности (скрепы) об исключительности Китая «Поднебесной империи», которая окружена отсталыми, варварскими странами. Главный результат такой политики – это консервация феодальных порядков. В итоге Китай не смог оказать серьёзного сопротивления европейской экспансии, проиграв «опиумные» войны.

Ещё раньше подобная ситуация возникла в Японии. Здесь этот вариант политики получил название сакёку (буквально – «страна на цепи») и осуществлялся на практике более двух столетий – с 1641 по 1853 г. Главная причина данного сценария – это внутреннее положение в стране. Достаточно быстрое развитие внешней торговли в XV – XVI вв. сопровождалось столь же быстрым ростом богатой торговой буржуазии в тех городах, где был морской порт. Её влияние стало настолько значительным, что начало угрожать устоям феодального общества. Впрочем, это совершенно естественно, так как экономические и идеологические ценности буржуазии никак не сочетались с феодальными скрепами. В этой ситуации феодальное государство принимает обоснованное с точки зрения феодального государства решение: запретить внешнюю торговлю.

Финал политики приверженности традиционным ценностям был вполне предсказуем. Правительство США в 1853 г. направляет к берегам Японии военную экспедицию. Устаревший японский флот не мог оказать никакого сопротивления. В итоге было подписано соглашение в Канагаве, которое открывало Японию для иностранной торговли, что означало конец политики самоизоляции страны. Затем последовали гражданская война и революция Мэйдзи, после которой в Японии был осуществлен комплекс политических, военных и социально-экономических реформ. В результате к началу XX в. Япония превратилась в одно из ведущих государств мира, что очень хорошо известно в России по печальным результатам русско-японской войны 1904-1905 гг.

Академик В.М. Полтерович отмечает, что «политика стимулирования быстрого (экономического) роста при постепенном улучшении институтов может вести к успешной модернизации в силу того, что причинная связь между ростом и институтами – двусторонняя. Не только улучшение институтов способствует экономическому росту, но и быстрый рост облегчает совершенствование институтов. Рекомендации, выработанные теорией реформ, справедливы и для институциональных траекторий, предусматриваемых стратегиями модернизации» [4].

Декан экономического факультета МГУ А.А. Аузан прямо указывает на необходимость модернизации институтов: «Генеральная функция общества в процессе модернизации – функция легитимизации новых институтов. Модернизация – всегда, по самому своему смыслу, выход из традиционных категорий. Здесь уже в рамках прежнего социального контракта, традиций очень трудно продвигаться дальше. Нужны новые институты, а они должны быть общественно признанными. Это не психологический, а экономический вопрос. Потому что непризнанные институты ... связаны с огромными, иногда запретительно высокими транзакционными издержками, которые и выражаются в оппортунистическом поведении, в коррупции, в огромных затратах на принуждение к выполнению правил» [5. С. 60].

О трудностях реализации модернизации пишет А.П. Заостровцев: «Традиционное общество оказалось жизнеспособным. Оно отвечает на вызовы модернизированных обществ (и, если угодно, постмодернизированных) собственными институциональными эволюциями и революциями. И меня-

ется ровно настолько, чтобы при этом не утратить своих коренных черт. Черты же эти в своей совокупности составляют то, что определено как особая парадигма, подчиняющая частное возведенному в абсолют целому. Формы этого подчинения могут быть разнообразными, но его присутствие в любом случае направлено против суверенитета личности, ее свободного развития. Это и является тем фактором, который постоянно мешает традиционному обществу современного типа идти вровень со свободным миром в качестве инновационной экономики» [6. С. 29].

Именно об этом прямо говорит Д. Норт: «Устойчивость институциональной системы, ни в коей мере не гарантирует эффективность институтов. Хотя стабильность может быть необходимым условием для сложного человеческого взаимодействия, она, конечно, не является достаточным условием эффективности» [1. С. 109].

Кстати, Д. Норт подробно рассматривает ситуацию взаимоотношений между феодалами и крепостными крестьянами. Эта ситуация тех самых скреп, о которых речь шла выше. Д. Норт пишет, что данная модель «предусматривала неравноправие и отношения “хозяин – раб”; ни одна из сторон не помышляла о том, чтобы вообще ликвидировать отношения зависимости и неравноправия. Поэтому инкрементные (постепенные) поддаются объяснению только в историческом контексте этих отношений». В конечном итоге «сочетание борьбы политических сил и медленно меняющихся представлений об отношениях между землевладельцами и крестьянами продуцировало более эффективные, чем прежде, решения. Мы имеем право говорить об историческом успехе, который называется *Подъем западного мира*» [1. С. 124].

Таким образом, успех стран Западной Европы в первую очередь определяется отказом от старых институтов, то есть тех самых скреп, о которых так модно рассуждать в современной России.

Справедливость этого вывода можно проиллюстрировать примером самой России. Современная для своего времени система высшего образования начинает формироваться в нашей стране в период правления императора Александра I, который рассматривал образование как инструмент решения многих российских проблем. Прежде всего, это уменьшение степени отсталости страны и создание условий для её будущего развития. Эффективное управление, развитие национальной экономики, формирование объективных представлений о потребностях страны требовало создания передовой системы профессиональной подготовки не только государственной элиты, но и лиц, принимающих менее сложные управленческие и экономические решения.

Министерство образования было создано в 1802 г. – в числе первых восьми министерств. По инициативе министра П. В. Завадовского были открыты четыре новых университета: в Дерпте (1802 г.), в Вильне (1803 г.), в Казани (1804 г.) и Харькове (1805 г.).

Были образованы шесть учебных округов, на которые разделили большую часть территории России, при этом университеты выполняли не только образовательные, но и административные функции.

Была создана стройная система образовательных учреждений:

- университеты;
- губернские гимназии, которые находились в прямом подчинении по отношению к университетам;
- гимназии в лице своих директоров осуществляли общий контроль над уездными училищами;
- смотрители уездных училищ контролировали положение дел в приходских училищах.

За основу университетского устава в России был принят устав немецких университетов, что предполагало достаточно широкий круг привилегий:

- административная автономия и академические свободы;
- университетские советы состояли из преподавателей и профессоров, которые избирали ректора университета и деканов;
- право осуществлять правосудие и цензуру;
- самостоятельно выбирать учебники.

Студентами университета могли стать не только выпускники гимназий, но и лица, закончившие духовные семинарии, кадетские корпуса, коммерческие училища.

Роль университетов в России резко выросла после принятия Именного указа от 6 августа 1809 г., данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники». Указ в качестве обязательного условия для производства в чин коллежского асессора (VIII класс) предусматривал обучение в одном из отечественных университетов или сдачу там специального экзамена. Для производст-

ва в статские советники (V класс) обязательными условиями были названы: десятилетняя выслуга «с ревностью и усердием»; не менее чем двухгодичное пребывание в одной из поименованных должностей (советника, прокурора, правителя канцелярии или начальника определенной штатом экспедиции); одобрение начальства; успешное обучение в университете или сдача соответствующего экзамена, подтвержденные аттестатом» [7].

Министр юстиции России И.И. Дмитриев (1810 – 1814г.) так вспоминал об этом указе: «Учиться основательно и узнавать положительные предметы, нужные для просвещения, начали мы собственно только с указа 1809 года от 6 августа, и обязаны этим императору Александру... Само слово “студент”, звучало не по-дворянски! Будем благодарны правительству и его принудительным мерам: без них мы никогда бы не образовались» [8].

Здесь необходимо отметить высокую заработную плату университетских преподавателей. Так, жалование профессора составляло 2000 руб. ассигнациями в год. Деканам дополнительно платили ещё 300 руб. Весьма интересно сравнить эти цифры с жалованием академика – 2200 руб. ассигнациями в год. Ординарному академику, прослужившему более 20 лет, полагалась прибавка в размере 500 руб. [9].

Эти цифры позволяют сделать весьма неожиданный вывод: уровни жалования профессора и академика примерно совпадали. Не было той необъяснимой разницы, которая имела место в Советском Союзе и современной России. Например, ежемесячные денежные выплаты академику Российской академии наук составляют 100 тыс. руб., а члену-корреспонденту – 50 тыс. руб. [10].

Отдельный вопрос – учебная нагрузка. Университетский Устав 1804 г. никак её не определяет. Но она вряд ли сильно отличалась от нагрузки профессора в Педагогическом институте: 3-4 астрономических часа (4 – 5,3 аудиторных часов) в неделю [6]. О такой нагрузке современный профессор в российских вузах даже не мечтает. Однако большая аудиторная нагрузка однозначно негативно влияет на подготовку преподавателей к занятиям. Но положение дел в лучшую сторону никак не изменяется.

Учебная нагрузка профессора немного изменилась в сторону увеличения в период правления императора Николая I. В 1835 г. был принят новый Устав, который не только ограничивал некоторые университетские вольности. Согласно этому Уставу, недельная нагрузка профессора не могла быть меньше 8 астрономических (10,3 аудиторных) часов в неделю. Кстати, ректор был также обязан читать лекции, но его недельная нагрузка была 4 астрономических часа [11].

Однако незначительное увеличение нагрузки сопровождалось чрезвычайно приятной компенсацией. Согласно Императорскому Указу 1835 г. «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V класса включительно», должность ординарного профессора была отнесена к VII классу. Это означало, что звание профессора соответствовало чрезвычайно важному и приятному для России того времени чину надворного советника. Этот чин позволял профессору и его детям стать потомственными дворянами [12].

Весьма благоприятным образом Устав 1835 г. определял порядок пенсионного обеспечения. Согласно статье 138 данного Устава, «ординарным и экстраординарным профессорам, в том числе и профессору богословия, а также прочим профессорам, адъюнктам и лекторам, за 25 лет беспорочной и усердной службы, обращается в пенсию, при увольнении их, полный оклад их жалования» [11]. Таким образом, работа преподавателем в университете означала не только высокий социальный статус, но и реальную возможность получения академической ренты.

Согласно новому Уставу устанавливались следующие размеры жалования:

- ректор получал 6500 руб. в год;
- ординарный профессор столичных университетов получал 5000 руб. жалования и 500 руб. квартирных, то есть всего на одну тысячу рублей меньше по сравнению с ректором;
- экстраординарный профессор получал 3500 руб. жалования и 400 руб. квартирных денег;
- библиотекарь – 2500 руб.;
- бухгалтер – 1500 руб.

Последняя цифра вызывает особый интерес, так как сейчас в российских университетах работники бухгалтерии и многих других административных служб превратились в особую привилегированную касту, которая, по их мнению, играет в университетах более важную роль, чем преподаватели, что находит своё отражение в размере их заработной платы.

Если учитывать квартирные деньги, то ординарный профессор университета получал больше, чем ординарный академик. Размеры жалования особо заслуженного академика и университетского декана совпадали [11].

Весьма интересным будет сравнить величину жалования университетских преподавателей с заработками рабочих. В начале XIX в., в период действия университетского Устава 1804 г. в Санкт-Петербурге рабочие, как отмечает Т.М. Китанина, трудились 60–70 часов в неделю, что больше 10 часов рабочего времени в день. Величина заработка колебалась от 36 до 168 руб. в год [13]. Таким образом, профессор университета получал в 25 раз больше, чем рабочий. Ситуация не претерпела никакого принципиального изменения и в середине столетия (Устав 1835 г.).

Кстати, преподаватели университетов считались государственными служащими. Очень жаль, что в современной России преподаватели вузов, школьные учителя и работники здравоохранения (конечно, речь идёт о государственных организациях) не относятся к данной категории. Это самым негативным образом сказывается на престижности данных видов профессиональной деятельности.

Ситуация начинает меняться в конце XIX в., когда государственная служба университетской профессуры, в первую очередь ректоров и деканов, «давала им чины, вплоть до высших рангов. Они могли участвовать в учёных советах министерств и разных государственных комитетов, получали добавочные оклады за заслуги, высокие пенсии. Однако рядовой профессорско-преподавательский состав вузов нельзя считать достаточно обеспеченным» [14. С. 98].

Новый университетский Устав (1884 г.) не предусматривал повышения жалования университетским преподавателям. Недельная норма преподавания для профессора была равна 6 часам [15]. В этот период Россия переживает бурный экономический рост, что связано с отменой крепостного права и бурным развитием рыночных капиталистических отношений. Это не могло не сопровождаться значительными социально-экономическими изменениями, которые повлияли как на университетских преподавателей, так и на промышленных рабочих. Здесь очень интересно сравнить динамику изменения заработной платы промышленных рабочих и жалования преподавателей.

Наиболее раннее исчисление средней общероссийской заработной платы на основе материалов фабричной инспекции за 1890 г. принадлежит главному фабричному инспектору Я.Т. Михайловскому. Используя данные по 74 наиболее распространенным в России производствам, он определил средний годовой общероссийский заработок в 187 руб. 60 коп. (при 288 рабочих днях и 12-часовой «чистой» суточной работе). При этом верхняя граница заработка поднималась до 606 руб., а нижняя опускалась до 88 руб. 54 коп. Самую высокую заработную плату получали рабочие электрических станций – 485 руб. в год, машиностроительные рабочие – 418 руб., обработка металлов – 397 руб., добыча нефти – 367 руб., типографско-литографское дело – 390 руб.

В период с 1901 по 1913 г. динамика средней заработной платы рабочих фабрично-заводской промышленности в России составила: 1901 г. – 203 руб., 1904 г. – 214 руб., 1908 г. – 245 руб. и 1913 г. – 264 руб. Таким образом, за эти годы номинальный заработок вырос почти на 30 %. По сравнению с 1890 г. рост заработной платы составил более 40 % [13. С. 106].

Конечно, жалование преподавателей университетов продолжало многократно превышать заработную плату рабочих, но эта разница постепенно сокращалась. В 1804 г. жалование профессора была больше зарплаты рабочего в 25 раз, в 1835 г. – в 45 раз, в 1863 г. – в 15 раз, в 1890 г. – в 18 раз, в 1912 г. – в 17 раз [17].

На основании этих цифр можно сделать вывод, что российское государство в течение всего XIX в. уделяет достаточно много внимания развитию системы высшего образования. Это позволило к началу XX в. сформировать в России весьма динамичную и эффективную национальную экономику. Конечно, она не была идеальной, хотя создание таковой системы невозможно в принципе. При этом Россия не только вступила в круг наиболее экономически высокоразвитых стран, куда входили Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия и США. Появились реальные шансы на то, что постепенно, благодаря эффективной системе высшего образования, которая позволяла осуществлять подготовку хорошо подготовленных современных специалистов по инженерным специальностям, будет ликвидирована технологическая отсталость национальной экономики. Не вызывали сомнений успехи в подготовке специалистов по гуманитарным специальностям. Россия по праву могла гордиться своими интеллектуалами.

Однако в силу событий, которые произошли в стране в 1917 г., данный прогноз остался нереализованным. Многие специалисты с высшим образованием, в том числе вузовские преподаватели, навсегда покинули Россию. Огромный урон нанесли Первая мировая и гражданские войны. В результате качественный уровень подготовки специалистов и ее организации в вузах существенно снизился. В дальнейшем в некоторых отраслях, которые имели непосредственное отношение к военно-промышленному

комплексу, уровень подготовки специалистов был восстановлен, но это уже не изменило ситуацию во всей системе образования. Кроме того, следует помнить, что весь процесс подготовки специалистов был идеологизирован до абсурда.

Согласно Декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приёма в высшие учебные заведения», каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы [18]. На практике это означало, что в вуз мог поступить человек, который не умел ни читать, ни писать. Последствия этого Декрета было очень легко предсказать заранее. В июне 1921 г. утверждаются новые Правила приёма в высшие учебные заведения, в которых провозглашался классовый принцип приёма студентов в вузы [19. С. 127]. Молодые люди с «плохой» анкетой уже не могли поступить в вуз. На льготных условиях принимались лица, закончившие рабфак, лица физического труда, члены партии и комсомольцы, а также поступающие с направлениями от различных государственных и общественных организаций.

Всё это сопровождалось существенным снижением заработной платы работников всей системы образования. Например, учителя начальных школ получали до 75 % от своего дореволюционного содержания; профессора и преподаватели вузов уже только 20 %. В результате в конце 1920-х гг. профессор получал больше рабочего только в 4,1 раза [20]. Закономерным итогом всех этих процессов стало существенное снижение престижности работы в вузах. Это, в свою очередь, не могло не привести к существенному снижению уровня знаний и профессионализма выпускников вузов.

Хорошо известный факт: результаты развития любой страны напрямую зависят от степени подготовки национальной элиты. Таким образом, должна существовать зависимость между качеством образования и уровнем интеллекта человека с его положением в общественной иерархии. Это то, что русский философ И. Ильин называл идеей ранга, которую он определял следующим образом: «Во-первых, имеется в виду присущее человеку качество – это его действительный ранг; во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, – это его социальный ранг» [21]. Действительный ранг человека – это, в том числе, производная от его образования, которое является стратегическим условием продвижения по карьерной лестнице наиболее одарённых и образованных людей. Тем самым, качественное образование – это тот самый социальный лифт, который позволяет человеку получать общественное признание и высокую заработную плату. В Советском Союзе образование такую функцию не могло выполнить в принципе. Исключения, типа С.П. Королёва, В.Г. Грабина и А.И. Микояна не опровергают общего алгоритма развития системы.

Карьерный рост в первую очередь зависел от «правильности» анкеты и умения следовать официальной линии. В качестве примера можно назвать несколько членов Политбюро ЦК КПСС 1970-х гг., когда СССР начинает уже безнадежно проигрывать экономическую гонку развитым странам мира. В этих условиях требовалось принятие нестандартных стратегических решений, однако этого не случилось. И так, Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, Г.В. Романов имели заочное образование. А.Я. Пельше и М.А. Суслов закончили Институт Красной профессуры. В этом специально созданном квазивузе осуществлялась подготовка красной профессуры для преподавания в высших школах республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства [22]. К.У Черненко кончил трёхгодичную школу сельской молодёжи, Высшую школу партийных организаторов при ЦК ВКП(б), затем, занимая высокие партийные посты, Кишиневский педагогический институт.

Именно тогда победила точка зрения о необходимости консервации политического режима и недопущения никаких экономических изменений, то есть та самая теория и практика «скреп».

В течение тридцати лет с 1961 по 1991 г. не изменялся размер заработной платы преподавателей. Так, профессор, доктор наук, заведующий кафедрой получал 550 руб., доцент в зависимости от стажа – 250, 280 и 320 руб. за работу в течение 10, 15 и 20 лет. Старший преподаватель – 180, ассистент – 125 руб., соответственно.

В тот же период времени средняя заработная плата рабочих в промышленности увеличивается следующим образом: 1960 г. – 90 руб., 1970 г. – 130, 1980 г. – 185, 1985 г. – 212, 1986 г. – 216 руб., соответственно [23]. Таким образом, заработная плата профессора всего в 2,5 раза превышала заработок промышленного рабочего. Доценты получали немногим больше, старшие преподаватели и ассистенты – уже меньше.

С ухудшением экономической ситуации в стране эта разница достаточно быстро исчезла. Так, водитель городского пассажирского автобуса в г. Ленинграде в 1990 г. мог зарабатывать до 500 руб. в месяц [24]. Автор статьи был стажёром-исследователем, а затем аспирантом экономического факультета ЛГУ с осени 1978 г. и прекрасно помнит, что именно в этот период начинает постепенно, а затем всё быстрее и быстрее снижаться престиж работы преподавателем в высшей школе. Найти желающих работать только на одну ставку ассистента становится достаточно сложно. Работа в качестве ассистента в обязательном порядке предполагала наличие каких-то дополнительных бонусов. Например, оформление в качестве участника хозяйственного договора. Многие ассистенты и старшие преподаватели подрабатывали на стороне. Например, чрезвычайно популярной была работа кочегаром в газовой котельной.

При этом, по сравнению с периодом до 1917 г., существенно увеличилась учебная нагрузка. Согласно Типовому положению о порядке планирования учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава, утвержденному приказом Минвуза СССР № 520 от 17.07.87, фактическая учебная нагрузка преподавателя должна была составлять от 450 до 1000 часов в год, включая не менее 150 часов аудиторных занятий (для профессоров и доцентов) [25]. Стало невозможно выйти на пенсию после 25-летней службы. Кроме того, до 1917 г. профессор-пенсионер, кроме пенсии в размере оклада (!!!), мог и дальше продолжать занимать кафедру и получать жалование в полном размере.

Как правильно отмечает в своей статье Е.В. Балацкий, в СССР, а затем уже в современной России постепенно была фактически ликвидирована академическая рента, которая включала в свой состав элементы денежной и моральной мотивации [25]. В результате работа в качестве преподавателя сейчас во многом воспринимается как удел неудачника, который не смог сделать карьеру в тех отраслях, где можно получать достаточно высокие доходы.

Действительно, преподаватель в современной России обязан:

- выполнять учебную нагрузку в объёме 900–1000 часов, причём доля аудиторных занятий может составлять более половины всей нагрузки;
- написать всевозможные рабочие программы и прочие методические материалы, что чрезвычайно затратно по времени. Требования к рабочим программам изменяются практически ежегодно, что вынуждает преподавателей столь же часто вносить соответствующие изменения;
- заниматься научными исследованиями, которые должны иметь практические результаты в форме внедрения в производство;
- зарабатывать для вуза, в котором он работает, как можно больше денег, принимая участие в работах хоздоговорной тематики;
- регулярно публиковать монографии и статьи в топовых научных журналах.

Сделать всё это на практике реальному, а не придуманному в министерских кабинетах преподавателю не представляется возможным. В результате почти 20 % преподавателей вузов на фоне неудовлетворённости уровнем их оплаты труда желают сменить работу. Об этом говорится в исследовании «Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт», опубликованном аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации [26].

Аналогичную точку зрения высказывает И. Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК. Он считает, что ни один из регионов к 2018 г. не достигнет желаемых результатов по увеличению оклада, так как на данный момент средняя зарплата у преподавателей по РФ равна 44,6 тыс. руб. В процентном соотношении это 131 %, поэтому порог 200 % к 2018 г. при всем желании не сможет быть достигнут [27].

Разговоры о реальной возможности увеличить доходы преподавателей от участия в грантах по своей сути во многом оказались фикцией. Как отмечает Е. Балацкий, система грантов со временем приобрела такие принципиальные недостатки, которые обесценили и ее саму. Научные фонды стали ареной ожесточенной борьбы различных научных коалиций и бюрократических группировок. Например, в РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) и РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд) возобладали представители Академии наук, в СГП (Совет по грантам Президента Российской Федерации) и РНФ (Российский научный фонд) – номенклатура из Министерства образования и науки. Большая часть грантов лоббируется, заявки контролируются, оказывается давление на сотрудников фондов. В результате этого сегодня наличие или отсутствие у человека грантов означает только одно – наличие или отсутствие у него необходимых связей в соответствующих фондах. Было бы грубейшей ошибкой думать, что у держателя гранта научная квалификация выше, чем у того, кто не имеет грантов [25].

В некоторых вузах России предусмотрены дополнительные выплаты за индекс цитирования (РИНЦ). Однако это не привело к достижению желаемого результата. База РИНЦ оказалась нерепрезентативной. Кроме того, достаточно быстро были найдены варианты «накручивания» величины индекса. Это дружеские договорённости с коллегами и самоцитирование. Автору этой статьи, выступая в качестве главного редактора, приходилось отказывать в публикации авторам, которые цитировали сами себя более 15 раз. Точно так же приходилось поступать со статьями, в которых было более 20 ссылок на статьи одного и того же автора. Отдельная проблема – это количество публикаций одного автора в течение года. Не секрет, что у некоторых авторов в течение года публикуется более 30 статей и 3-4 монографии.

Это привело к тому, что некоторые вузы, например, Высшая школа экономики и Российская экономическая школа в принципе отказались от системы РИНЦ. В результате статьи в русскоязычных журналах девальвировались практически до нуля. Признаются публикации только в тех журналах, которые включены в международную базу данных, – “Web of Science” и “Scopus”.

Самым забавным здесь является тот факт, что на Западе, который зачастую выступает в России в качестве бесспорного образца, где система научного цитирования существует достаточно давно, сформировалось мнение, что эта система себя дискредитировала. Е. Балацкий пишет: «В некоторых университетах США на факультетах математики даже введен негласный запрет на упоминание индекса Хирша и прочих измерителей; профессионалы понимают условность и неадекватность этих показателей» [25]. В этой ситуации преподаватели вузов стремятся не к профессиональному росту, а к максимально большим заработкам. Не секрет, что в этой ситуации некоторые преподаватели имеют по несколько трудовых книжек. Это позволяет им больше зарабатывать, принося в жертву качество своей работы.

В настоящее время цивилизация стоит на пороге шестого технологического уклада. Экономика наиболее развитых стран мира (США, Япония и Китай) нацелена на развитие и применение наукоемких технологий.

У всех на слуху сейчас био- и нанотехнологии, геновая инженерия, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика — синтез достижений на этих направлениях должен привести к созданию, например, квантового компьютера, искусственного интеллекта и в конечном счёте обеспечить выход на принципиально новый уровень в системах управления государством, обществом, экономикой.

Специалисты по прогнозам считают, что при сохранении нынешних темпов технико-экономического развития, шестой технологический уклад начнёт оформляться в 2010–2020 гг., а в фазу зрелости вступит в 2040-е гг.

По мнению академика РАН Е. Каблова, в течение 2020–2025 гг. произойдёт новая научно-техническая и технологическая революция. Например, в США доля производительных сил пятого технологического уклада составляет 60 %, четвёртого — 20 %. И около 5 % уже приходится на шестой технологический уклад. В то же время в России доля технологий пятого уклада составляет примерно 10 %. Причём речь идёт только о военно-промышленном комплексе и авиакосмической промышленности. Более 50 % технологий относится к четвёртому уровню, а почти треть – и вовсе к третьему. Отсюда понятна вся сложность стоящей перед отечественной наукой и технологиями задачи: в течение ближайших 10 лет Россия должна войти в число государств с шестым технологическим укладом, ей надо, образно говоря, перемахнуть через пятый уклад [28].

России предстоит найти решение очень сложной проблемы, которая во многом напоминает ситуацию, имевшую место в СССР в начале 30-х гг. прошлого столетия: осуществить стратегический технологический прорыв. Только в этом случае можно вести речь о достижении нового современного качества экономического роста.

Решение такой задачи требует достаточного количества хорошо подготовленных специалистов, обладающих необходимым уровнем знаний и творческим мышлением. Для этого стране необходима современная система высшего образования. Эффективность этой системы напрямую зависит от качественного уровня преподавательского корпуса. Однако для того, чтобы реально заинтересовать преподавателя в конечных результатах его профессиональной деятельности, необходимо сформировать соответствующую систему мотивации, которая будет включать в себя не только материальную, но и моральную (идеологическую) составляющие. В противном случае переход к шестому технологическому укладу и создание современной конкурентной экономики станут нереальным сценарием развития ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
2. Пётр Толстой: сначала скрепы, потом – благополучие. URL: <https://govoritmoskva.ru/interviews/1409/>
3. Хазин М.Л. О проблеме модернизации. URL: <https://khazin.ru/articles/179-mnenie-khazina/30462-o-probleme-modernizatsii>
4. Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_663/view_26073/
5. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54-60.
6. Заостровцев А.П. Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции: препринт. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 36 с.
7. Именной указ от 6 августа 1809 г., данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники». URL: <http://base.garant.ru/58101907/>
8. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М.: Типография В. Готье, 1866. URL: http://az.lib.ru/d/dmitriew_i_i/text_0115.shtml
9. Сборник постановлений по министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875-1876. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825 [год]. – 1875. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/8586-t-1-tsarstvovanie-imperatora-aleksandra-i-1802-1825-god-1875>
10. Михайлова Т. Выплаты академиком и членам-корреспондентам академии наук выросли // *Рос. газ*. 2016. 19 февр.
11. Сборник постановлений по министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875-1876. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825-1855 [год]. Отделение 1-е: 1825-1839 [год]. – 1875. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/8580-t-2-tsarstvovanie-imperatora-nikolaya-i-1825-1855-god-otdelenie-1-e-1825-1839-god-1875>
12. О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе*. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. X: Отделение второе. 1835. С. 331-356. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
13. Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800-1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение / АН СССР; Ин-т истории СССР, Ленингр. отд. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 297 с.
14. Лейкина-Свицкая В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М.: Мысль. 1981. 285 с.
15. Университетский Устав (18 августа 1884). URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2761>
16. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. 274 с.
17. Шпилов А.В. Зарплата российского профессора в её настоящем, прошлом и будущем // *Вестн. Высш. шк.* 2003. № 4. С. 33-42.
18. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приёма в высшие учебные заведения». URL: <http://музейреформ.рф/node/13755>
19. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.) / под ред. В.А. Шишкина. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 197 с.
20. Кириллов С. О судьбах «образованного сословия» в России // *Новый мир*. 1995. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/8/kirilov-pr.html
21. Ильин И. Идея ранга // *Наши Задачи* № 109 и 110, 15 сентября 1950 года. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/nz/nz-109-110.htm>
22. Декрет СНК об учреждении институтов по подготовке красной профессуры. 11.2.1921 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13755>
23. Народное хозяйство СССР. Юбилейный статистический ежегодник. URL: <http://istmat.info/node/7687>
24. Типовое положение о порядке планирования учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава, утвержденному приказом Минвуза СССР № 520 от 17.07.87. URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/141/prikaz-gosobrazovaniya-sssr-ot-17-07-1987--510.html>
25. Балацкий Е.В. В поисках академической ренты // *Вопр. экономики*. 2014. № 10. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/v_poiskah_akademicheskoy_renty/
26. Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // *Бюллетень о сфере образования*. 2017. Июнь. № 12. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf>
27. Повышение зарплаты преподавателей вузов в 2018 году. URL: <http://god-2018s.com/novosti/povyshenie-zarplaty-prepodavatelej-vuzov-v-2018-godu>
28. Каблов Е. Шестой технологический уклад // *Наука и жизнь*. 2010. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>

V.V. Matveyev

**THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AS THE FACTOR OF ENSURING
MODERN ECONOMIC GROWTH**

The article considers the process of formation of a modern system of higher education in Russia and its strategic role in ensuring economic growth. As is well known, an effective system of higher education is needed to ensure quantitative and qualitative parameters of economic growth. This will ensure that the training of specialists is not limited to the acquisition of necessary amount of modern knowledge. Graduates of universities should also be able to use this knowledge to gather information, evaluate it and make a well-grounded decision. However, this requires establishing a modern system of higher education in Russia. The strategic condition for the establishment and development of this system are teachers who must receive sufficient remuneration for their work. It is the amount of the teachers' salary that is the key to solving the problem of creating a situation where the teachers are really interested in the final results of their professional activity. This statement can be confirmed by looking back into the history of Russia. The 19th century witnessed the formation of a system of higher education that was modern and effective for that period. Teachers of universities had a high social status. The situation began to change fundamentally after 1917, which led to a gradual decrease in the social importance of the profession of a university teacher. This negatively affected the qualitative level of training of specialists. In the end, this had a detrimental impact on the economic growth. To overcome this negative trend, fundamental changes should be made in the organization of the higher education system and in the remuneration of teachers' labor.

Keywords: economic growth, production, science, higher education, institutional changes, knowledge, academic rent, teacher, wages.

Матвеев Владимир Валентинович,
доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: mtv956@yandex.ru

Matveev V.V.,
Doctor of Economics, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mtv956@yandex.ru